

**КНИГИ КАК ПРЕДМЕТ «ПОКАЗАТЕЛЬНОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ»: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОЙ ИСТОРИИ
(на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия)**

В статье представлен сравнительный анализ домашних библиотек, собранных двумя просвещенными представителями привилегированных слоев общества – Н.С. Мальцовым и И. Физием – в России начала XX в. и Нидерландах середины XVII в. В соответствии с подходом, сформулированным в рамках парадигмы «новой истории чтения» (Р. Дарттон, Р. Шартье), каталог частной библиотеки рассматривается как важный источник для изучения ментальности ее обладателя. Выявляются сходства между социокультурным статусом владельцев библиотек и мотивами, побуждавшими их собирать коллекции книг. Для объяснения этих мотивов используются концепты «показательного потребления» и «праздного класса», введенные Т. Вебленом.

***Ключевые слова:** социокультурная история, компаративная история, история досуга, история чтения, Н.С. Мальцов, Лейден, библиотека И. Физия*

«Обладание книгой и ее чтение как социокультурная практика, воплощенная в характерных для той или иной эпохи поступках, пространствах и привычках», – так очертил несколько десятилетий назад область своего интереса французский историк Роже Шартье¹. С именами Роже Шартье и американского историка Роберта Дарттона в первую очередь связывается развитие в зарубежной историографии новаторской парадигмы исторических исследований – «новой истории чтения».

Центральную роль в этой парадигме, порожденной «культурным», или «лингвистическим» поворотом в мировой историографии в 1980–1990 гг., вдохновленным постструктуралистской философией, играет акцент на репрезентациях, смысловых значениях тех или иных понятий и категорий². Особенно важным считается выявление разницы между значениями, которые вкладывают в то или иное историческое понятие историки, исследуя его столетия спустя, и значениями, которое вкладывались в такое понятие современниками в прошлом: то, как мы сегодня видим и объясняем причины и мотивы поступков исторических героев, может совершенно не совпадать с тем, чем руководствовались они сами. Подобный «историко-культурный», «историко-семантический» подход задал тренд на несколько десятилетий вперед и уже породил множество интересных исследований в области историко-культурных исследований как в мировой, так и в отечественной историографии³.

Ставшая неотъемлемой частью «культурного поворота» в историографии парадигма «новой истории чтения» сдвинула фокус с традиционно бывших в центре внимания историков культуры и историков книги авторов, их издателей и продавцов – на читателей книг и коллек-

¹ Chartier 1994: 3. См. также: Шартье 2006.

² Steinberg 1996: 348.

³ Репина 2011.

ционеров, с книги как таковой – на субъективную реакцию на книгу. Основные вопросы, которые начали ставить перед собой исследователи, работающие в парадигме «новой истории чтения», это – не «кто» и «зачем» писал и издавал книги, а «кто» их читал и собирал, и «где», «когда», и, главное, «зачем» осуществлялось это чтение и собирание. Как замечал в программной статье «Что такое история книги?» Р. Дарнтон, «лондонский купец XVII века существовал в принципиально иной ментальной вселенной, чем американский профессор XX века»⁴. Проще говоря, даже если в библиотеках представителей разных исторических эпох обнаружатся одинаковые книги, социальный и культурный смысл их наличия, собирания и чтения едва ли окажется схожим. В этом смысле понять, как и почему люди читали и собирали книги, означает – получить представление о менталитете героев прошлого и настоящего и, следовательно, приблизиться к пониманию социальных и культурных событий и контекстов той или иной исторической эпохи.

При таком подходе ценнейшим источником информации становится каталог частной библиотеки исторического персонажа: такой каталог является своего рода путеводителем по ментальности, интересам и взглядам составителя библиотеки. По словам Р. Дарнтона, именно изучение частных библиотек способно увязать два краеугольных для «истории чтения» вопроса – «какие» и «кем» собираются книги, что, в свою очередь, позволяет подойти к ответу на третий вопрос – «зачем» это делается. При этом «каталог частной библиотеки будет характеризовать ее владельца, даже если он не читает всех книг, которые стоят у него на полке, и наоборот, читает множество книг, не приобретая их»⁵.

В отечественной литературе схожий взгляд, учитывавший «многообразие читательских практик и интерпретаций читаемого», видение чтения как «специфического социального института, основывающегося на сложном взаимодействии ролей внутри него (автор, читатель, издатель, книготорговец, критик, педагог и т.п.) и находящегося в постоянном взаимодействии с другими социальными институтами (государство, экономика, мораль, религия и т.п.)»⁶, высказывали в последние десятилетия А.И. Рейтблат, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин⁷. Тем не менее, в сугубо исторических исследованиях по истории России подход, сформулированный в рамках парадигмы «новой истории чтения» пока почти не применяется. Между тем, его потенциал очевиден – еще и потому, что именно в контексте «новой истории чтения» может и должен, учитывая обширную зарубежную историографическую практику, быть задействован и компаративный подход к изучению исторических явлений и процессов. «Эвристически компаративный подход служит идентификации проблем и тем, которые иначе не попали бы в поле зрения историков,

⁴ Darnton 1982: 79-80.

⁵ Darnton 1986: 153-177.

⁶ Рейтблат 2014.

⁷ См.: Гудков, Дубин, Страда 1998; Рейтблат 2009.

или обзор которых сопровождался бы известными трудностями, дескриптивно – помогает более выпукло увидеть конкретное явление или процесс, аналитически – оказывает неоценимую помощь историческому объяснению, а парадигматически – служит отстранению историка от своего предмета, своего рода концептуальной «депровинциализации» его взгляда», – указывает немецкий историк Юрген Кока⁸.

Добавим, что историческое сравнение может быть как синхронным, так и диахронным. Учитывая все вышесказанное, мы предлагаем опыт сравнения двух частных библиотек, созданных в Нидерландах и России во время модернизации их обществ – в середине XVII в. и начале XX в. соответственно. Будучи рассмотренным в оптике «новой истории чтения», менталитет их владельцев, а также социокультурные процессы в двух странах, разделенные двумя с лишним столетиями, обнаружат не только отличия, но и немалое сходство, что позволит предложить новые, нетривиальные исторические объяснения.

Начнем с российской частной библиотеки, которая, увы, дошла до наших дней фрагментарно, представляя собой, тем не менее, как нам видится, осколок весьма характерного и очень любопытного явления. Это библиотека Н.С. Мальцова (1848–1939), просвещенного наследника известной династии российских промышленников Мальцовых, которую он собирал в своем имении Симеиз на Южном берегу Крыма.

Несмотря на высокие звания генерал-майора, шталмейстера императорского двора и службу (до середины 1880-х гг.) в качестве чиновника кодификационного отдела Государственного совета, именно с деятельностью, точнее – с активным и просвещенным досугом Н.С. Мальцова на Южном берегу Крыма связаны, в первую очередь, следы, которые он оставил в истории России и ее культуры. В 1894 г. вместе со старшим братом И.С. Мальцовым, полковником лейб-гвардии Кавалергардского полка, штаб-офицером для поручений при Императорской главной квартире, Н.С. Мальцов вошел во владение симеизским имением отца, выдающегося русского промышленника С.И. Мальцова, скончавшегося 21 декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге. Этому предшествовала многолетняя эпопея: сложная, растянувшаяся на несколько этапов история банкротства промышленной империи С.И. Мальцова, помещенного в конце жизни под опеку, его многолетняя финансовая тяжба с женой А.Н. Урусовой использовавшей против мужа административный ресурс – свою близкую дружбу с императрицей Марией Александровной⁹. В завещании С.И. Мальцов демонстративно не упомянул ни супругу, ни детей, распорядившись направить большинство средств на нужды Министерства народного просвещения. Однако родственники в судебном порядке предъявили права на крымское имение Симеиз, попросив считать его оставшимся без наследственных распоряжений, и добились своего: наследниками имения, оцененного почти в 200 тыс. руб-

⁸ Кока 1996: 197-209.

⁹ Захарова и др. 2014: 30.

лей, были объявлены супруга и шестеро детей С.И. Мальцова¹⁰. Было решено оставить его в общем владении И.С. и Н.С. Мальцовых.

Новые хозяева Симеиза уже к 1898 г. построили для себя по особняку в восточной (Н.С. Мальцов) и западной (И.С. Мальцов) частях имения (после национализации Советской властью эти дома стали корпусами разных санаториев и в сильно обветшавшем виде сохранились до наших дней), а с 1900 г. начали преобразование ландшафта и подготовку к продаже выделенных из бывшего отцовского имения земельных участков под дачное строительство. Продажа стартовала в 1902 г.: так родился ставший впоследствии широко известным дачный курорт Новый Симеиз, «мекка» технической и творческой интеллигенции на Южном берегу Крыма. В литературе до сих пор не дано четко документированного объяснения решения братьев Мальцовых о распродаже унаследованных земель. Как представляется, естественное желание братьев укрепить свое финансовое положение, не занимаясь, в отличие от отца, никаким серьезным торгово-промышленным делом (после банкротства империи С.И. Мальцова в 1888 г. они остались лишь владельцами имения в Симеизе, домов в Москве и, возможно, других объектов недвижимости, обслуживание которых само по себе требовало немалых ресурсов¹¹), легло на благоприятную почву: к началу XX в. Крым, в особенности его Южный берег, переживал туристический бум¹². Возможно, в решении распродать землю дачникам дополнительно сыграли роль и другие обстоятельства: к примеру, начавшаяся в Крыму эпидемия филлосеры, нанесшая удар по доходам симеизских виноградариков Мальцовых, или успех курорта Гурзуф, устроенного к востоку от Ялты конкурентом С.И. Мальцова, железнодорожным магнатом А.И. Губониным.

Расчет оказался верным: в короткие сроки участки под дачи были раскуплены, обеспечив своим бывшим хозяевам безбедное существование. Тогда же Н.С. Мальцов, увлекавшийся астрономией, построил на своем участке земли вблизи шоссе Ялта – Севастополь башню для небольшого телескопа и домик для сторожа, заказал у фирмы «Цейсс» двухкамерный астрограф, чтобы фотографировать небо, начал строительство новой башни с пятиметровым куполом. Мальцовскую обсерваторию случайно увидел астроном А.П. Ганский, который прибыл в Крым с Г.А. Тиховым, впоследствии известным исследователем Марса, для наблюдений зодиакального света на горе Ай-Петри. По возвращению в Пулковку Ганский написал два письма в Симеиз, и Мальцов, довольный проявленным к его увлечению интересом, предложил свою обсерваторию в дар Пулковской обсерватории, продолжив бескорыстно поставлять ей инструменты, научную литературу и оборудование. По представлению, сделанному директором Пулковской обсерватории академиком О.А. Баклундом, за создание и техническое оснащение обсер-

¹⁰ ГАРК. Ф.333. Оп.1. Д.1: 67-71, 83, 90-91.

¹¹ Арсентьев, Макушев 2002: 158.

¹² Мальгин 2004: 114–116.

ватории в Симеизе Н.С. Мальцов был избран почетным членом Российской Академии наук.

В 1919 или 1920 г. Н.С. Мальцов эмигрировал из Крыма за границу, жил во Франции, но продолжал помогать уже советской Симеизской обсерватории, высылая деньги и новую научную литературу. Одна из вновь открытых малых планет была названа в его честь «Мальцовой». Не имея семьи, Н.С. Мальцов последние годы жизни провёл в Русском доме для престарелых эмигрантов в Ментоне на французской Ривьере. По легенде, часто упоминаемой в краеведческой литературе, в 1929 г. директор Симеизской обсерватории Неуймин обратился к Мальцову с просьбой написать автобиографию, на что тот ответил отказом: «Я не вижу в своей жизни ничего примечательного, кроме одного эпизода — принятия Пулковской обсерваторией моего дара. Это событие я считаю для себя огромной честью»¹³. Умер Н.С. Мальцов 30 августа 1939 г. и был погребён в Ментоне на русском кладбище (не сохранилось).

Если дом, выстроенный в Симеизе Н.С. Мальцовым, и его симеизская обсерватория дошли до наших дней в относительной целостности и сохранности, то его библиотеке, насчитывавшей, по оценкам современников, до 20-ти тысяч томов по разным отраслям знаний, повезло меньше. После отъезда Н.С. Мальцова в эмиграцию и национализации его имени библиотека много раз делилась и меняла принадлежность различным советским учреждениям. Сегодня книги из библиотеки Н.С. Мальцова, узнаваемые по характерному экслибрису с гербом рода Мальцовых и ромбовидному ярлыку-наклейке для рукописного указания номера книги, находятся в библиотеках Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Алушкинского дворца-музея, Крымского республиканского краеведческого музея «Таврика», отдела редкой книги ялтинской Центральной городской библиотеки им. А.П. Чехова и других собраниях. История перемещения коллекции книг отчасти восстановлена в публикациях И.С. Ганжа и Е.Е. Филатовой¹⁴. Главным источником, дающем представление о библиотеке Мальцова во время его пребывания в Симеизе, на который ссылаются оба указанных исследователя, являются мемуары его племянника П.С. Урусова, изданные на английском языке в США и частично переведенные и опубликованные на русском языке крымским исследователем О.А. Литаш в 2001 г. Именно в них дана наиболее полная характеристика собрания книг, которую имеет смысл привести целиком:

«В ней было около 20000 книг, все превосходно переплетены (большинство переплетов из натуральной кожи) и в превосходном состоянии. Множество книг размещалось в большом библиотечном зале в шкафах с полками и ящиками, которые тянулись вдоль всех стен. Шкафы были обрамлены деревом, обшитым панелями, и закрыты решетками из кованого железа. Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг, и при этом прочитать только часть библиотеки. Кроме книг, здесь имелось большое количество иностранных перио-

¹³ Неяченко 1984.

¹⁴ Ганжа 2018; Филатова 2017: 226-228.

дических журналов и газет, на которые подписывался мой дядя. Здесь были настоящие коллекции русской, французской, английской и немецкой литературы. В шкафах стояли сотни научных томов, относившихся главным образом к астрономии. За ними шли книги, которые доставляли мне наслаждение – книги по истории. Мой дядя обладал наилучшими произведениями разных эпох и стран и солидной коллекцией биографий и автобиографий. Так что я в течение двух лет мог сосредоточиться на систематическом чтении большого количества исторических книг. В качестве примера я возьму Францию XIX столетия. Я нашел здесь наилучшие источники, такие как “История консульства” Адольфа Тьера, “История первой империи” Вандаля, “Реставрация” Вьей-Кастеля, “Июльская монархия” Т. д’Анжа, “Либеральная империя” Эмиля Оливье и “История третьей республики” Габриэля Оното. Каждый из этих трудов содержал в себе множество томов. Я помню, что история Реставрации, которая занимала период всего лишь в 15 лет, состояла из 20 больших томов. Моим, так сказать, десертом были биографии или воспоминания, потому что я привнесил определенную дисциплину в порядок своего чтения. Каждый день я начинал с исторических книг, продолжал чтением биографий. Так я узнавал то, что было необходимо знать, а на биографиях я мог отдохнуть¹⁵.

После отъезда Н.С. Мальцова за границу все его имущество, включая библиотеку, было национализировано. В ходе национализации коллекция книг была разделена на части, и дошла до наших дней в виде небольших фрагментов. Так, в коллекции Алушкинского дворца-музея оказались 280 томов книг по различным дисциплинам, в основном по истории (более 100 единиц хранения), в отделе редкой книги ЦГБ им. А.П. Чехова в Ялте – в основном периодические издания, путеводители и мемуарная литература на французском и английском языках (более 300 единиц хранения). Не сохранилось и каталога библиотеки.

Между тем, вопросов, на которые этот каталог мог бы ответить, очертив «карту ментальности» своего владельца, немало. Какими были взгляды на жизнь, занятия и интересы Н.С. Мальцова? Отчего он рано оставил службу при дворе и чему посвятил с тех пор свои труды и дни на Южном берегу Крыма – неужели только досугу, любительским занятиям астрономией, виноделию и коллекционированию книг? Почему не создал ни семьи, ни мемуаров? Отчего не принял деятельного участия, в отличие от своего брата И.С. Мальцова, в обустройстве дачного курорта Новый Симеиз? Из воспоминаний П.С. Урусова мы знаем:

«... дядя Николай родился во время царствования Николая I, которого он помнил так же хорошо, как и Крымскую войну 1854 года. У него была отличная память, живой и острый ум; он проводил свою жизнь, путешествуя, охотясь, читая и учась. Он был особенно увлечен астрономией и подарил государству одну из лучших в России обсерваторий, которая была построена и великолепно оборудована благодаря его щедрости. В 1917 году мы имели обыкновение иногда подниматься сюда: обсерватория находилась в гористой местности. Мы брали с собой гостей и с помощью астронома смотрели на звезды через телескоп (...) Дядя имел много друзей самых разных занятий: среди них были ученые, врачи и даже крестьяне. Свою юность он провел среди придворного круга, а его мать была близкой подругой императрицы Марии Александровны. Он так любил свою независимость, что после смерти императора отошел от придворной жиз-

¹⁵ Литаш 2001: 50–71.

ни, за исключением круга общения великого князя Сергея, друга детства, с которым виделся в Москве каждый год. В 1917–1919 годах во время нашего длительного пребывания в Симеизе я постоянно изводил дядю, заставляя вспоминать подробности его жизни, жизни двора и Санкт-петербургского общества так много и часто, что у меня возникало чувство, будто я сам жил в те дни»¹⁶.

Эти слова наводят на размышления, но оставляют немало вопросов. Подсказать ответы на них может опыт исторического сравнения. Куда более счастливая, чем у собрания книг Н.С. Мальцова, судьба была уготована библиотеке, сформированной таким же, как он, просвещенным и, что немаловажно, досужим представителем привилегированного класса в другой стране двумя с половиной веками ранее. Речь идет о библиотеке жителя нидерландского города Лейдена Иоганнеса Физия (1622–1653), который собрал богатую коллекцию книг своего времени и более ранних эпох, выпущенных в разных европейских странах, посвященных таким разнообразным темам, как религия, астрономия, медицина, история, теология, география, искусство, право и ботаника. В своем завещании Физий, скончавшийся от быстро развившейся болезни в возрасте тридцати одного года, пожертвовал свою библиотеку для просвещения жителей Лейдена. Этот акт обеспечил коллекции благоприятную судьбу: в отличие от многих других частных библиотек XVII в., она не была разделена на части и продана с аукционов после смерти владельца, но сохранилась до наших дней в историческом здании, построенном специально для ее содержания согласно завещанию Физия на канале Рапенбург в центре Лейдена, по соседству с главным зданием Лейденского университета (сегодня библиотека Физия – часть отдела специальных коллекций библиотеки Лейденского университета).

Библиотека И. Физия каталогизирована и неплохо изучена, однако в последние годы стала предметом дискуссий в историографии. До недавнего времени большинство голландских историков и филологов, писавших об И. Физие и его библиотеке (первая работа, посвященная этой теме, была опубликована еще в начале XX века¹⁷), традиционно видели в нем прежде всего идеального героя эпохи гуманизма и просвещения, ученого-юриста, беззаветного служителя прогресса, создавшего институт распространения знания для будущих поколений¹⁸. И лишь в последнее десятилетие стали слышны голоса, предлагающие отказаться от объяснений, экстраполирующих идеологемы либеральной профессуры XX века на столетия назад, и взглянуть на мотивации Физия более реалистично, глазами человека его эпохи. При таком подходе становится ясно, что Физий – это не некий «новый Прометей», а, напротив, молодой повеса, наследник неплохого состояния, homo edens – человек потребляющий, богатый член нового «праздного класса» голландской республики «золотого века», для которого коллекционирование книг было

¹⁶ Литаш 2001: 55.

¹⁷ Block 1907.

¹⁸ Hoftijzer 2008.

такой же неотъемлемой частью его стремящегося соответствовать моде образа жизни, как траты на лошадей, элегантные костюмы и луковицы тюльпанов (не говоря уже о том, что он вовсе не был ученым, хотя и закончил, правда, с большим трудом, юридический факультет Лейденского университета). Так, голландский историк Э. Мауриц в своей недавней работе подсчитала: «Если суммировать все расходы на одежду, обувь и аксессуары, это составит примерно три четверти того, что Физий потратил на книги. С учетом этого знания основатель знаменитой библиотеки, в котором мы так хотим видеть просвещенного гуманиста, предстает в несколько ином свете (...) Его образ гораздо более красочен и сложен, чем кажется на первый взгляд»¹⁹.

Изыскания в библиотеке И. Физия, осуществленные Е.В. Дмитриевой при помощи автора настоящей статьи, подтверждают эту гипотезу²⁰. Сосредоточившись на книгах по ботанике – теме, исключительно модной в Европе в XVI–XVII вв.²¹, – и уделив пристальное внимание «книжной археологии», т.е. изучению физического состояния книг из коллекции, их переплетов и обложек, наличия пометок на полях, надписей и подчеркиваний на страницах, автор обнаружила в библиотеке Физия множество книг выдающихся авторов-ботаников, от Фукса и Брунфельса до Клузиуса и Баугина, многие – в первоизданиях. Однако ни одна из них не имела каких-либо признаков собственно чтения – паратекстуальных элементов (распространенных в то время), царапин, сложенных страниц и т.д. Возможно, как хороший коллекционер, Физий был чрезвычайно педантичен в обращении с ценными томами, однако автор предлагает другую версию: все эти книги были куплены прежде всего не для чтения и самообразования, а дабы соответствовать моде, повысить свой престиж в обществе и, что также немаловажно, в собственных глазах. Е.В. Дмитриева предполагает, что страсть Физия к коллекционированию модных и «статусных» книг по ботанике можно объяснить с помощью социологического концепта «показательного потребления». В своей книге «Теория праздного класса» (1899) и призванной осмыслить социокультурные изменения на рубеже XIX и XX вв., Т. Веблен предположил, что, когда стадия первоначального накопления капитала буржуазией и промышленниками успешно завершилась, представители этих классов захотели не только быть самыми богатыми среди себе подобных, но и перенять престижные привычки аристократов – «праздного класса»²². Отсюда – страсть к «показательному потреблению», осознанному нуворишами как основное занятие «праздного класса», направленное на демонстрацию личного статуса, богатства и престижа. Субъект, потреблявший «напоказ», следовал уже не общепринятой модели «экономического человека», чей интерес заключался в мак-

¹⁹ Mourits 2017.

²⁰ Dmitrieva 2018.

²¹ Egmond 2010.

²² Веблен 1984.

симизации прибыли для дальнейших инвестиций в бизнес, а, наоборот, тратил свои средства на изысканную роскошь. Позднее П. Бурдьё развил аргументацию Веблена, заявив, что если экономическая власть – это прежде всего способность дистанцироваться от экономической необходимости, то эта растущая дистанция будет проявляться в «показательном потреблении»: таким образом экономический капитал конвертируется в более символический социокультурный²³.

Предположение Е.В. Дмитриевой не лишено смысла. Хотя сама по себе теория Веблена была постулирована как объяснение социальных и культурных изменений рубежа XIX–XX вв., социокультурные модели «показательного потребления» характерны для любых обществ, проходящих через период модернизации, и были описаны в таких странах, как Англия, Италия, Польша в XVII вв., и, конечно же, в Нидерландах так называемого «золотого века» (конец XVI – первая половина XVII в.), где это явление достигло своего пика как раз во времена Иоганнеса Физия²⁴. Блестящий разбор «моральной экономики» (по выражению Э.П. Томпсона) нидерландского бюргерства дал в своей фундаментальной монографии «Смушение богатых» британский историк Симон Шама. По его мнению, отличительной особенностью ментальности резко разбогатевших в результате нидерландской буржуазной революции бюргеро-горожан было парадоксальное сочетание показательной тяги к тратам на роскошь и стремления поместить эти траты в рамки приличий, освященных кальвинистской моралью и духом просвещения²⁵.

В полном соответствии с этой логикой, молодой наследник капитала Физий мог действительно быть неравнодушным к покупкам «статусных» предметов роскоши, к которым он, однако, причислял в первую очередь не одежду и мебель, а книги известных ученых. Он жил в Лейдене, городе богатых и хорошо образованных иммигрантов из Южных (католических) Нидерландов и их потомков, рядом с молодым, стремившимся укрепить свой престиж университетом, ботаническим садом (располагавшимся, кстати, почти по соседству с домом Физия), где знаменитый ботаник Клузиус интродуцировал экзотические луковичы тюльпанов. В подростковом возрасте Физий стал свидетелем пресловутой «тюльпановой лихорадки» 1636–1637 гг. – безудержного роста котировок фьючерсов на тюльпаны. Сам голландский стиль садоводства того времени описывается исследователями как «чем пестрее и разнообразнее, тем лучше»²⁶. Собирая свою библиотеку, Физий воспроизвел схожую логику собирания разнообразных ценных, «статусных» предметов для завоевания престижа, прежде всего в своих собственных глазах.

Заслуживает особого внимания предположение Е.В. Дмитриевой, что само предсмертное желание Физия пожертвовать свою библиотеку

²³ Bourdieu 1979.

²⁴ Bogucka 1989; Burke, 1993; Stone, 1967.

²⁵ Schama 1987.

²⁶ Clifford 1966: 102.

жителям Лейдена, которое было столь поэтизировано либеральной профессурой во второй половине XX века как акт бескорыстного гуманизма, на самом деле можно рассмотреть и как высшую форму «демонстративного потребления», конечный акт борьбы Физия за престиж и уважение в глазах жителей Лейдена. Образованный и богатый молодой человек, Физий мог бы сделать карьеру юриста, но предпочел досуг и «показательное потребление» статусных товаров, от мебели, перчаток и меховых шапок до луковиц тюльпанов и книг. Умерев молодым, он оставил после себя не научные рукописи, а записные книжки, куда тщательно записывал траты на «шопинг». Но тогда как ковры и костюмы Физия давно превратились в пыль, его библиотека стоит на канале Рапенбург в Лейдене как живой памятник тщеславию – тому самому тщеславию, которое, в конце концов, действительно способствовало просвещению.

Не подобными ли тщеславными мотивами был, на самом деле, вызван и дар Н.С. Мальцова своей обсерватории Российской академии наук? Между нашими героями немало общего: оба были наследниками больших состояний и семейных предпринимательских традиций, оба жили в эпоху капиталистической модернизации, но не пожелали продолжить дело предков и приумножать семейные капиталы, а обратились вместо этого к их растрате, просвещенному досугу, любительскому занятию науками и коллекционированию книг и иных предметов роскоши.

Именно перечисленные занятия, по мнению Т. Веблена, и являются характерными признаками принадлежности к «праздному классу»:

«Праздность, являясь общепризнанным свидетельством обладания богатством, закрепляется в образе мысли людей как нечто, что само по себе обладает значительными достоинствами и существенно облагораживает. (...) Нематериальными свидетелями праздности являются квазинаучная или квазихудожественная деятельность, знания о мертвых языках и оккультных науках, различного рода семейном музицировании и самодеятельном искусстве, о том, как следует сегодня одеваться, обставлять жилье и какой иметь выезд, об играх и развлечениях, а также о любимых питомцах (...) Многие общественные деяния, официально бескорыстные по духу, выполняются прежде всего с целью поднятия репутации, в значительном числе такого рода учреждений завистническое побуждение является явно господствующим (...) это особенно справедливо в отношении крупных, демонстративных расходов – например, учреждения публичной библиотеки»²⁷.

Несомненно, «показательное потребление» является продуктом изменений в экономических, социальных и культурных структурах, которые происходят в течение длительного времени. Возможность Физия вести жизнь просвещенного модника и видного коллекционера книг была обеспечена богатством, накопленным его предками, богатыми ювелирами и купцами из Антверпена, эмигрировавшими в Амстердам. Основой достатка Н.С. Мальцова стали капиталы отца и унаследованное имение Симеиз на Южном берегу Крыма, которое он вместе с братом размежевал на участки и пустил в продажу под дачи. В своем эссе «Гол-

²⁷ Веблен 1984: 88-90, 317.

ландская цивилизация в семнадцатом веке» Йохан Хейзинга, характеризую состояние Нидерландов на излете т.н. «золотого века», пишет:

«Здоровая и простая форма благосостояния, охватывающего широкие слои населения, между тем, имела, в социальном плане, свои негативные стороны. (...) Стала ли Голландия страной рантье? (...) Без сомнения, в правящих и состоятельных классах оставались энергичные натуры, которые были при деле... но для среднего представителя правящего сословия занятия, помимо чинной говорильни погрязшего в рутине городского управления, ограничивались беседами с садовником, управляющим и нотариусом. Интеллектуальная деятельность, которая могла бы заполнить такое существование, переместилась... в оборудование кабинетов естественнонаучных коллекций, что стало почти необходимым для поддержания репутации. Все это вместе взятое, какую бы культурную пользу оно не приносило, без всякого сомнения поглощало немалую долю энергии нации»²⁸.

Первоначальное накопление капитала и последующий переход части буржуазии к иным ментальным моделям, ориентированным скорее на досуг и «показательное потребление» вместо безостановочного производства прибавочного продукта, заняли в Нидерландах почти сто лет. В России второй половины XIX – начала XX в., как показывает судьба династии Мальцовых, подобная смена социокультурных парадигм, характерных для эпохи модернизации, происходила в рамках всего двух поколений.

За свой дар Пулковской обсерватории Н.С. Мальцову было пожаловано звание почетного члена Российской академии наук. В отличие от библиотеки, симеизская обсерватория Мальцова, как и его особняк на берегу моря, сохранились и до сих пор в той или иной форме служат обществу. Однако едва ли кому-то придет в голову называть Н.С. Мальцова «самоотверженным гуманистом», действовавшим «во благо будущих поколений», как любят называть Физия некоторые голландские "историки книги". Подобные объяснения страсти незаурядных представителей «праздного класса» к наукам, самым исчерпывающим доказательством которого были их богатые коллекции книг по разным областям человеческого знания, чересчур схематичны и обусловлены идеологиями XX в. Как и Физий, Н.С. Мальцов собирал и читал книги, скорее всего, не ради реализации какой-либо идеалистической миссии, а для собственного удовольствия, которое, впрочем, имело множество измерений. Интеллектуальное самосовершенствование и тщеславная демонстрация своих достижений как коллекционера (прежде всего самому себе), «показательное потребление» книг и других модных вещей эпохи, будь то наряды, мебель или приборы для наблюдения за звездным небом, шли рука об руку – и в случае И. Физия, и в случае Н.С. Мальцова.

Эта совокупность мотиваций и факторов становится гораздо более понятной и объяснимой, если поместить библиотеки Мальцова и Физия в сравнительный контекст, найти общее в их «досуговой» ментальности и в чертах эпох, незаурядными представителями которых они стали. Тако-

²⁸ Хейзинга 2009: 135.

вы преимущества подхода к изучению истории частных библиотек, заявленного в рамках «новой история чтения», который, очевидно, преподнесет еще немало интересных догадок и объяснений.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Государственный архив Республики Крым. Ф.333. Оп.1. Д.1. С перепиской по вопросу об утверждении в праве наследников на имущество Бородина и Мальцева. [Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. F.333. Op.1. D.1. S perepiskoj po voprosu ob utverzhenii v prave naslednikov na imushchestvo Borodina i Mal'ceva.].
- Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцевых в XVIII–XIX вв. М.: Наука, 2002. 302 с. [Arsent'ev N. M., Makushev A. A. Hrustal'nye koroli Rossii. Promyshlennoe hozyajstvo i predprinimatel'skaya deyatel'nost' Mal'cevovyh v XVIII–XIX vv. M.: Nauka, 2002. 302 s.].
- Веблен Т.Б. Теория праздного класса: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с. [Veblen T.B. Teoriya prazdnogo klassa: Per. s angl. M.: Progress, 1984. 367 s.].
- Ганжа И.С. "Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг" // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. № 58-59, 2018. С. 25-30. [Ganzha I.S. "Mozhno bylo provesti neskol'ko zhiznej za chteniem etih knig"// Staraya YAlta. Istoriko-kraevedcheskij al'manah. № 58-59, 2018. S. 25-30.].
- Гудков Л., Дубин В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ: Ин-т европ. культур, 1998. 76 с. [Gudkov L., Dubin V., Strada V. Literatura i obshchestvo: vvedenie v sociologiyu literatury. M.: RGGU: In-t evrop. kul'tur, 1998. 76 s.].
- Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Федькина Н.Г. С.И. Мальцов: социальная инициатива в промышленном регионе во второй половине XIX века (взгляд из современности). Брянск: Изд-во БГУ, 2014. 182 с. [Zaharova L.I., Trifankov YU.T., Dzyuban V.V., Fed'kina N.G. S.I.Mal'cov: soci-al'naya iniciativa v promyshlennom regione vo vtoroj polovine XIX veka (vzglyad iz sovremennosti). Bryansk: Izdatel'stvo BGU, 2014. 182 s.].
- Карагодин А.В., Петрова М.М. Сimeiз. Путеводитель по старым дачам. Проект Марии Петровой и Андрея Карагодина, [М., 2019]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com>. [Karagodin A.V., Petrova M.M. Simeiz. Putevoditel' po starym dacham. Proekt Marii Petrovoj i Andreja Karagodina, [M., 2019]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com>].
- Литаш О. А. Князь Петр Урусов. Из воспоминаний исчезнувшего времени. Крымские страницы мемуаров (США, 1984) // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2001. Вып. 7. С. 55-70 [Litash O. A. Knyaz' Petr Urusov. Iz vospominanij ischeznuvshego vremeni. Krymskie stranicy memuarov (SSHA, 1984) // Krymskij al'bom. Istoriko-kraevedcheskij i literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Feodosiya: Izd. dom «Koktebel'», 2001. Vyp. 7. S. 55-70.].
- Мальгин А.В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – нач. XX в. Симферополь: СОНАТ, 2004. 349 с. [Mal'gin A.V. Russkaya Riv'era: kurorty, turizm i otdyh v Krymu v epohu Impe-rii: konec XVIII – nach. XX v. Simferopol': SONAT, 2004. 349 s.].
- Неяченко И.И. Звезда в подарок. Симферополь: Таврия, 1984. 127 с. [Neyachenko I.I. Zvezda v podarok. Simferopol': Tavriya, 1984. 127 s.].
- Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 448 с. [Rejtblat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sociologii russkoj literatury. Moskva: Novoe lit. obozrenie, 2009. 448 s.].
- Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 415 с. [Rejtblat A.I. Pisat' poperek. Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 415 s.].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M: Krug', 2011. 560 s.].
- Филатова Е.Е. Книги и экслибрисы Н. Мальцова в собрании Алушкинского дворца-музея // Музей в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности. Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Мир усадебной культуры: сб. науч. тр. Симферополь: Н. Орианда, 2017. [Filatova E.E. Knigi i ekslibrisy N. Mal'cova v

- sobranii Alupkinskogo dvorca-muzeya // Muzej v XXI veke: novye realii, novye podhody, novye vozmozhnosti. Voroncovy i russkoe dvoryanstvo: mezhdz Zapadom i Vostokom. Mir usadebnoj kul'tury: sb. nauch. tr. Simferopol': N. Orianda, 2017.].
- Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке; Эразм; Избранные письма; Рисунки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 677 с. [Hejzinga J. Kul'tura Niderlandov v XVII veke; Erazm; Izbrannye pis'ma; Risunki. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. 677 s.]
- Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое изд-во, 2006. 270 с. [SHart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 270 s.]
- Bogucka M. 'Le bourgeois et les investissements culturels' // Guarducci A (ed.) Investimenti e civiltà urbana. Florence: Mondadori, 1989. P. 571-84.
- Burke P. Res et verba: conspicuous consumption in the Early Modern World // Brewer J. and Porter R. (eds.). Consumption and the World of Goods. London: Routledge, 1993. P. 148-62.
- Chartier R. The order of books: readers, authors and libraries in Europe between the fourteenth and the eighteenth centuries. Cambridge etc.: Polity Press, 1994.
- Clifford D. A History of Garden Design. New York: Praeger, 1966.
- Darnton R. First Steps toward a History of Reading// Australian Journal of French Studies. 1986. Vol. 23. P. 153-177.
- Darnton R. What is the history of books?// Daedalus. Vol. 111, 1982. P. 79-80.
- Dmitrieva E. Botanical books in the Bibliotheca Thysiana: exploration in the cultural history of reading. Leiden, 2018.
- Egmond F. The world of Carolus Clusius: Natural History in the Making, 1550–1610. London: Routledge, 2010.
- Hoftijzer P.G. Bibliotheca Thysiana 'Tot Publijcke Dienst der Studie'. Leiden: Brill, 2008.
- Kocka J. The Uses of Comparative History// Societies made up of history. Edsbruk: Akademityck AB, 1996. P.197-209.
- Mourits E. Wie was Johannes Thysius? // Anrooij W., Hofijzer P. Vijftien strekkende meter. Nieuwe onderzoeksmogelijkheden in het archief van de Bibliotheca Thysiana. Hilversum: Verloren, 2017.
- Schama S. The Embarrassment of Riches: an Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age. London: Collins, 1987.
- Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558 to 1641. Oxford: Oxford University Press, 1967.

Карагодин Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра источниковедения, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, avkaragodin@yandex.ru

Books as an object of “conspicuous consumption” an exercise in comparative history

The article is an attempt at a comparative study of the two private libraries collected by N.S. Maltsov and Johannes Thysius, two enlightened representatives of “elite” in the early 20th century Russia and in the mid-17th century Netherlands. In accordance with the approach formulated within the paradigm of the “new history of reading” (R. Darnton, R. Chartier), the catalogue of a private library is considered as an important source for studying the mentality of its owner. Similarities between the socio-cultural status of two library owners and the motives that moved them to collect collections of books are put under scrutiny. The concept of “conspicuous consumption”, introduced at the turn of the 19-20th century by T. Veblen, is used to explain these motives.

Keywords: comparative history, history of leisure, history of reading, N.S. Maltsov, history of the Netherlands, Leiden, Bibliotheca Thysiana

Andrey Karagodin, PhD (history), Senior lecturer, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, avkaragodin@yandex.ru